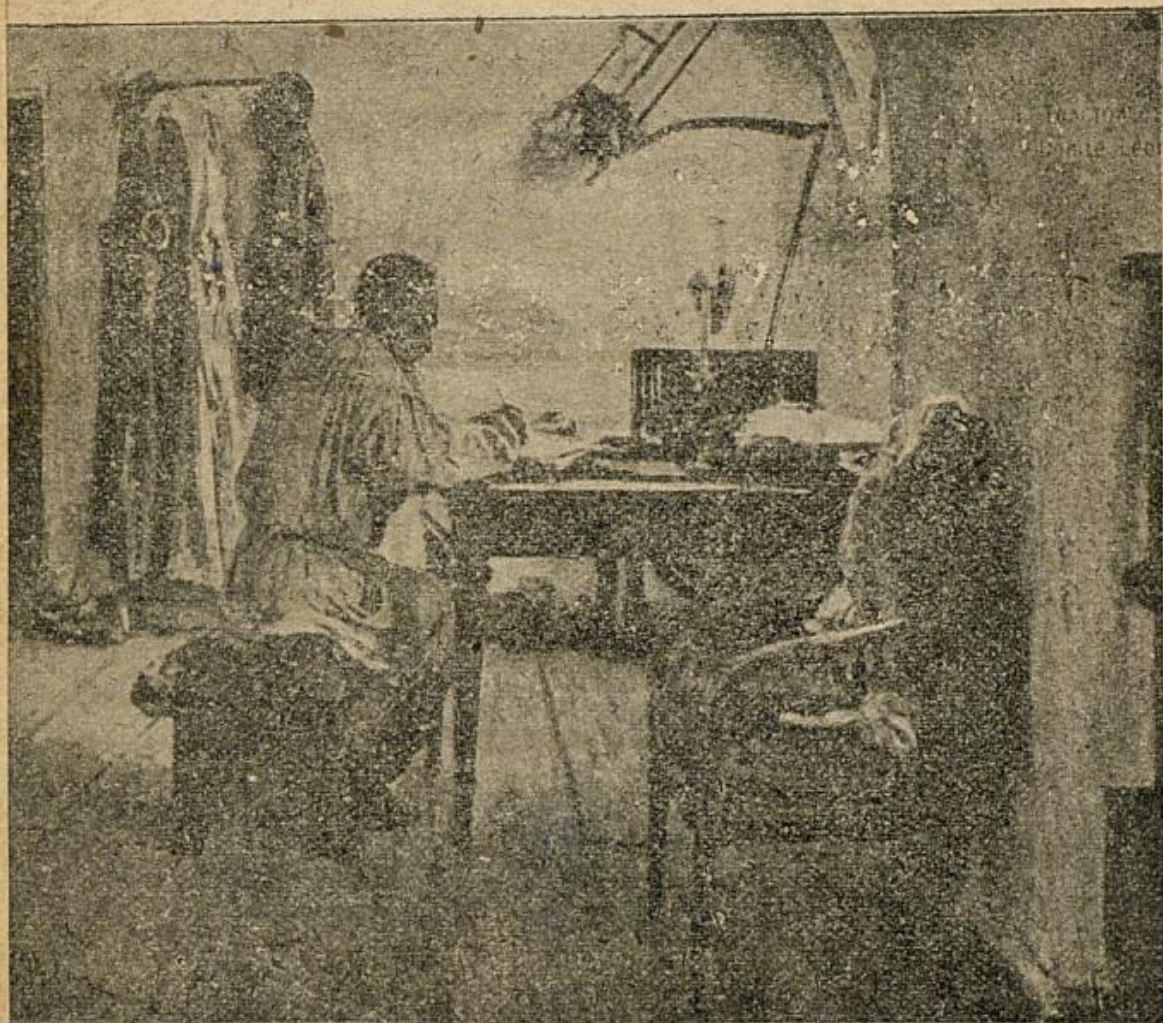

Л. Н. ТОЛСТОЙ.

КЪ ЛИБЕРАЛАМЪ

(Объ отношеніи къ государству).

Издание „ПОСРЕДНИКА“. № 1216.

ЛЕВ ТОЛСТОЙ - ОБЛИЧИТЕЛЬ РОССИЙСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА

В письме Александре Калмыковой, вошедшем в историю русской общественной мысли как «Письмо к либералам», Л. Н. Толстой отвечает на коллективный запрос от 2 мая 1896 г. группы активных сотрудников Петербургского комитета грамотности и деятелей в области народного просвещения А. М. Калмыковой, В. В. Девеля и известного библиографа и писателя Н. А. Рубакина, в котором они просили его высказать своё отношение к консервативно-охранительной политике правительства, запретившего деятельность пропитавшихся либерализмом Комитетов грамотности.

Лев Николаевич – плоть от плоти и дух от духа народа русского, дитя природы, воспитанный с детства в разумных, природосообразных условиях полноценного общения с нею – не мог не презирать ту городскую служилую, торгашескую и интеллигентскую сволочь, к которой, по образу своей жизни и по мышлению, относились и относятся в массе своей российские либералы. Даже городское происхождение и образ жизни большинства из них – обличают неустранимую чуждость, враждебность либералов народу. Искони города явились как центры разбойничьих грабительских гнёзд тех, кто своими ручками не желал трудиться: центры сбора и удержания насилием отобранного у трудящегося народа продукта. Для обороны от конкурирующих разбойников и от самого, могущего восстать, трудового люда потребовались крепости и войско. Для обеспечения повседневной жизни этой властвующей, считающей богатства и вооружённой мрази – потребовались ремесленные трудники, селившиеся близ таких крепостей. Уже этот самый «пригородской пролетариат» были в нравственном отношении худшие, подлейшие из тружеников люди, не желавшие служить своими трудами равным с ними, народу, а искавшие особенных выгод подле грабителей и убийц народа. Но они ещё – хотя бы трудились настоящим трудом. Чего не скажешь о прочих «горожанах»: учёных книжниках, спекулянтах, кубышечниках, разных «деятелях литературы и искусства»... Те уж – откровенно настаивали и настаивают на своей «особости», на своей поголовной необходимости для «культуры» (хотя большинство в течение жизни не окультуривает даже самих себя: не совершенствует своей человеческой природы) и «цивилизации» (т.е., этимологически, как раз для этих самых civitatis – нагороженных и огороженных, ограждённых военщиной и полицейщиной, разбойничьих гнёзд).

При эволюции городской жизни разбойникам, затворившимся от обокраденного ими народа, стало неловко обходиться для своей от него и от других разбойников обороны одними силами материального оружия: и явилось в «новую», буржуазную эпоху оружие информационное. Попов с их

вечным благословением общественных зол «божественной» санкцией потеснили новые брехотворцы: учёные и пишущие интеллигенты с их мифотворением об особенных исторических, экономических, юридических и социологических «законах», о некоем «общественном договоре» тружеников с разбойниками и их прихвостнями, равно как и с прочими придумками, служащими единой цели: скрыть от обманываемого, эксплуатируемого, обкрадываемого в рабстве трудовом и убиваемого в рабстве военном народа реальные основы появления и эволюции городов и государств: желание наиболее хищных и злых, безнравственных отроду людей грабить и жить халявой, не трудясь, а людей беспринципных, слабых, подлых – кормиться «интеллигентным» трудом при этих, более «успешных», греховодниках и преступниках воли Божией.

Так что, казалось бы, ни писорчуки-щелкопёры и учёные книжники, ни торгаши, ни жида-кубышечники и ростовщики, ни прочие паразиты на шее трудящегося русского народа никак не имеют права заявлять от имени этого, унижаемого, обманываемого и ограбляемого ими народа никаких претензий в отношении того положения, в котором они, вместе с властью имущими, удерживают народ уже самим своим положением народных захребётников. Слезь сперва с чужой шеи – а там уж будет видно, что можешь сделать ещё, помимо этого...

Но – нет! Российским либералам и по сей день хватает или идиотизма, или, -- что чаще, -- сознательного цинического неуважения к народу (тщательнейшее скрываемого ими, но и то и дело пробивающегося!) чтобы вставать в позу «пчелы против мёда»: защищать народ... против самих же себя: городской дармоедской сволоты и погани. При этом, чуть колупни «реформаторскую программу» этих народолюбцев – и видно: никакого освобождения народа от САМИХ СЕБЯ: от ига городской садонекрофильской цивилизации, от лжи поповской и научной (защищающей это иго), от насилия правительственного, государственного – эти самовлюблённые дряни и не планируют! Им нужно только СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ многовековой машины по отшмонанию халявы у непосредственных производителей, именуемой «государство Российское». Им хочется той степени совершенства отношений эксплуатации и насилия, при которой ИХ позиции экономических и идеологических прислужников дармоедских «элит» -- в наибольшей степени обеспечены и защищены. Они и «просвещать» народ грамотностью ещё в Российской империи брались, прежде всего, ради двух дел: первое то, чтобы, так и не дав истинных просвещения и свободы, сдёрнуть трудящихся с крестьянской, естественной, жизни в природе, превратив в городских рабов, пригодных для фабрик, контор и войска; а второе дело – сделать доступнее для трудящихся ту оправдывающую существующий общественный строй ложь, которой он, отнюдь не бескорыстно, прислуживали и прислуживают режиму в школьных классах и университетских аудиториях, со страниц книжек и газет (а в наши дни – также посредством телевидения и интернета).

Вот почему самыми необходимыми для российских либералов спутниками их деятельности были и остаются лукавое враньё и САМООБМАН о значении их деятельности. По этому самообману и наносит заслуженный либеральной нечистью, жесточайший удар Лев Николаевич Толстой в своём письме 1896 г.

Несмотря на внешнюю эпистолярную обходительность и сдержанность, Толстой ясно даёт понять и почувствовать своим либеральным адресатам всё ничтожество их самих и всей их деятельности, протекающей в рамках необходимых, привычных им отношений с правительством. Их Комитеты грамотности запретили... Казалось бы: раз уж вы с народом, а не с его грабителями – не повинуйтесь запретителям, не легитимизируйте в своих интеллигентских бошках их запрета: живите с народом и просвещайте его истинным просвещением «нелегально», минуя разрешения и запреты правительства. Но – нет. Городским любителям халявы и белого «труда» -- не приходит это на ум. Ибо вывести себя из положения особой, городской и «цивилизованной», социальной страты, встать вровень с народом и дать народу ту освобождающую силу, которая всегда была в истинном просвещении – не в планах и не в интересах либеральных брехунов и ложных заботников и народе. Им куда выгоднее (честно, откровенно кидает прямо в их морды Лев Николаевич), -- «давать правительству возможность, распространяя мрак, делать вид, что оно занято просвещением народа, как это делают всякого рода мнимопросветительные учреждения, контролируемые им, — школы, гимназии, университеты, академии, всякого рода комитеты и съезды...».

Без жалости, со смаком, бичует Толстой ту лицемерную игру, которую ведут с правительством зависимые от даваемых им благ городские либералы: правительство терпит их инициативы «до тех пор, пока эти учреждения и издания служат его целям, то есть одуряют народ, или, по крайней мере, не мешают одурению его». Но как только в их говно-либеральной среде заведётся хоть один или несколько не подлых и лживых, а просто наивных людей, которые попытаются реально «пошатнуть то, на чём зиждется власть правительства» -- тут же воспоследуют репрессии. Которых, между прочим, либеральное говно трусливо и подло, сугубо поинтеллигентски, боится, тут же открещиваясь от своих более наивных, добрых и честных деятелей как от отщепенцев: «радикалов», «экстремистов»...

Толстой указывает на несостоятельность и вред всякой либеральной, в сделках с правительством, деятельности как для дела народного просвещения и освобождения, так и для нравственности самих людей, заразившихся либерализмом:

«Если бы всё правительство состояло бы из одних только тех грубых насильников, корыстолюбцев и льстецов, которые составляют его ядро, оно не могло бы держаться. Только участие в делах правительства просвещённых и честных людей даёт правительству тот нравственный престиж, который оно имеет. <...> Во-вторых, вредна такая деятельность

потому, что для возможности её проявления эти самые просвещённые, честные люди, допуская компромиссы, приучаются понемногу к мысли о том, что для доброй цели можно немножко отступать от правды в словах и делах. Можно, например, не признавая существующую религию, исполнять её обряды, можно присягать, можно подавать ложные, противные человеческому достоинству адреса, если это нужно для успеха дела, можно поступать в военную службу, можно участвовать в земстве, не имеющем никаких прав, можно служить учителем, профессором, преподавая не то, что считаешь нужным, а то, что предписано правительством, даже — земским начальником, подчиняясь противным совести требованиям и распоряжениям правительства, можно издавать газеты и журналы, умалчивая о том, что нужно сказать, и печатая то, что велено. Делая же эти компромиссы, пределов которых никак нельзя предвидеть, просвещённые и честные люди <...>, незаметно отступая всё дальше и дальше от требований своей совести, не успеют оглянуться, как уже попадают в положение полной зависимости от правительства: получают от него жалованье, награды и, продолжая воображать, что они проводят либеральные идеи, становятся покорными слугами и поддерживателями того самого строя, против которого они выступили».

Думается, что и сегодняшняя как либеральствующая, так и полностью подпутинская городская дрянь узнает в этом описании Толстого САМИХ СЕБЯ: этапы своей гнусно-приспособленческой деградации в либерализм или национализм, державный патриотизм (тоже гнусные порождения городской жизни).

Отдельное внимание Толстой уделяет писателям либерального лагеря, которые, как и все, обманывают самих себя и других, утверждая своё МНИМОЕ значение для общества: они, «подчиняясь требованиям цензуры, высказывают только то, что позволено, и, этим самым умолчанием о самом важном внося самые превратные и желательные для правительства мысли в публику, продолжают воображать, что они своим писанием, дающим им средства к существованию, служат обществу».

Крещендо толстовского обличения в адрес либералов — это его апелляции к их человеческому достоинству как «разумных и свободных людей», т.е. к тому, чего у этого мелкобуржуазного жулья, у этих идеологических холуёв существующего хищнического и насильнического строя жизни нет, никогда не было и не может быть!

«Ведь сдерживать правительство и противодействовать ему, — справедливо и мудро рассуждает Лев Николаевич, — могут только люди, в которых есть нечто, чего они ни за что, ни при каких условиях не уступят. Для того чтобы иметь силу противодействовать, надо иметь точку опоры. И правительство очень хорошо знает это и заботится, главное, о том, чтобы вытравить из людей то, что не уступает, — человеческое достоинство. Когда же оно вытравлено из них, правительство спокойно делает то, что ему нужно, зная, что оно не встретит уже настоящего противодействия. Человек, который согласился публично присягать, произнося недостойные

и лживые слова присяги, или покорно в мундире дожидаться несколько часов приёма министра, или записавшись в охрану на коронации, или для приличия исполнивши обряд говения и т.п., уже не страшен правительству.

Александр II говорил, что либералы не страшны ему, потому что он знает, что всех их можно купить не деньгами, так почестями».

И эта подло-продажная гнусь ещё лезет (и по сей день лезет!) в парламент России, в общественную деятельность, считая себя достойной влиять на жизнь народа! Да что они могут, оставаясь ЧАСТЬЮ современной урбанистической цивилизации, частью общей системы обмана народа и насилия над ним?!

Соблюдая свойственный его эпохе эпистолярный такт, Толстой нигде напрямую не бичует либеральную шваль. Он даже как будто... солидарен с нею в ряде её замыслов: он говорит им не «вы», а «мы». Но сквозь его «мы» всё-таки так и поступает эмоциональное: «ВЫ, но не я», а многократное, упорное упоминание Толстым «просвещённых и честных людей» намекает единомышленникам Калмыковой, что они, как они есть – отнюдь НЕ ТАКОВЫ. Причастность к «интеллигентному» труду и забавам не добавляет ни чести, ни интеллигентности, равно как и городская образованность – не равна в глазах яснополянского мудреца истинной просвещённости.

Истинная же просвещённость учит, что права людей, на уровне понимания и осмысления их – никогда не равны. Как кто понимает их – так и должен отстаивать: СВОИ, а не других людей, человеческие права на НЕучастие в нравственно нечистых делах правительства и обличение их с позиций высшей, Божьей, правды-истины.

Но ни один из городских, т. е. повседневно зависимых от обеспечиваемого правительством, приятного и выгодного, качества и образа жизни патриотов или либералов как не мог во времена Толстого, так и сейчас не сможет руководиться толстовским советом: «быть честным, не лгать, а поступать и говорить так, чтобы мотивы, по которым поступаешь, были понятны любящему тебя твоему семилетнему сыну; поступать так, чтобы сын этот не сказал: “А зачем же ты, папаша, говорил тогда то, а теперь делаешь или говоришь совсем другое?”»

Подобно тому, как физическому уроду, искалечившемуся нечаянно или по глупости, не остаётся ничего, как придумать для себя особенные, выморочные, искусственные и лживые рационализации своего положения – так и ЭТИМ уродам, моральным, не остаётся ничего, как грешить и оправдываться, защищая свою уродскую страту, свой статус в обществе, свою деятельность -- до упора, до конца! Благо, всегда вокруг найдутся такие же поганцы-единомышленнички...

Тем же немногим неиспорченным халявой людям, полусознательным, но с неиспорченными разумом и сердцем, ещё гваздающим в городской среде, в общественной деятельности, в просвещении, в политике – Лев Николаевич советует не растрачивать «силы ума и души на достижение мелких, практических целей», а прежде всего – утвердить своё разумное

сознание в адекватном стоящим перед человечеством вызовам времени религиозном понимании жизни (выраженном, как обосновал и доказал Толстой в других своих работах, прежде всего в первоначальном, без церковных извращений, учении Христа): обрести «ясное и твёрдое религиозное мировоззрение, т. е. сознание смысла своей жизни и своего назначения».

Это – воистину совет для НЕМНОГИХ, но именно от этих немногих, от их совестливой работы – не «обществу», а только Богу и открывшейся им Божьей истине, от их влияния на общественное мнение, на охристианение его, зависят будущие реальные изменения в жизни обитателей не только России, но и всей земной планеты в её настоящем и грядущем.

Роман Алтухов

*****

Лев Николаевич Толстой

К ЛИБЕРАЛАМ

(Письмо А. М. Калмыковой)

(Публ. по изданию:

Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: В 90 тт.

– Т. 69. – С. 127 - 138)

127

1896 г. Августа 31. Ясная Поляна.

Многоуважаемая
Александра Михайловна,

Очень рад был бы вместе с вами и вашими товарищами Девелем и Рубакиным — деятельность которых знаю и ценю —

128

отстаивать права комитета грамотности и воевать против врагов народного просвещения; но не вижу никаких средств противодействия на том поприще, на котором вы работаете [1].

Я утешаю себя только тем, что занят, не переставая, этой же самой борьбой с теми же врагами просвещения, хотя и на другом поприще.

По тому частному вопросу, который занимает вас, я думаю, что, вместо уничтоженного комитета грамотности, надо бы устроить множество других обществ грамотности, с теми же задачами и независимо от правительства, не спрашивая у него никаких цензурных разрешений и предоставляя ему, если оно захочет, преследовать эти общества грамотности, карать за них, ссылать и т.п. Если оно будет это делать, то только придаст этим особенное значение хорошим книгам и библиотекам и усилит движение к просвещению.

Мне кажется, что теперь особенно важно делать доброе спокойно и упорно, не только не спрашиваясь правительства, но сознательно избегая его участия. Сила правительства держится на невежестве народа, и оно знает это и потому всегда будет бороться против просвещения. Пора нам понять это. Давать же правительству возможность, распространяя мрак, делать вид, что оно занято просвещением народа, как это делают всякого рода мнимопросветительные учреждения, контролируемые им, — школы, гимназии, университеты, академии, всякого рода комитеты и съезды, — бывает чрезвычайно вредно. Добро — добро, и просвещение — просвещение только тогда, когда оно совсем добро и совсем просвещение, а не применительно циркулярам Деянова [2] и Дурново [3]. Главное же, мне всегда жалко, что такие драгоценные, бескорыстные, самоотверженные силы тратятся так непроизводительно. Иногда мне просто смешно смотреть на то, как люди, хорошие, умные, тратят свои силы на то, чтобы бороться с правительством на почве тех законов, которые пишет по своему произволу это самое правительство.

Дело, мне кажется, в следующем:

Есть люди, к которым мы принадлежим, которые знают, что наше правительство очень дурно, и борются с ним. Со времен Радищева и декабристов способов борьбы употреблялось два: один способ — Стеньки Разина, Пугачёва, декабристов, революционеров 60-х годов, деятелей 1-го марта и других; другой —

тот, который проповедуется и применяется вами — способ «постепеновцев», — состоящий в том, чтобы бороться на законной почве, без насилия, отвоёвывая понемногу себе права. Оба способа, не переставая, употребляются вот уже более полувека на моей памяти, и положение становится всё хуже и хуже; если положение и улучшается, то происходит это не благодаря той или другой из этих деятельностей, а несмотря на вред этих деятельностей (по другим причинам, о которых я

скажу после), и та сила, против которой борются, становится всё могущественнее, сильнее и наглее. Последние проблески самоуправления: земство, суд, ваши комитеты и др.— всё упраздняется, как «бессмысленные мечтания» [4].

Теперь, когда прошло столько времени, что тщетно употребляются оба эти средства, можно, кажется, ясно видеть, что ни то, ни другое средство не годится и почему. Мне, по крайней мере, который всегда питал отвращение к нашему правительству, но никогда не прибегал ни к тому, ни к другому способу борьбы с ним, недостатки этих обоих средств очевидны.

Первое средство не годится, во-первых, потому, что если бы даже и удалось изменение существующего порядка посредством насилия, то ничто бы не ручалось за то, что установившийся новый порядок был бы прочен и что враги этого нового порядка не восторжествовали бы при удачных условиях и при помощи того же насилия, как это много раз бывало во Франции и везде, где бывали революции. И потому новый, установленный насилием порядок вещей должен был бы непрерывно быть поддерживаемым тем же насилием, то есть беззаконием, и, вследствие этого, неизбежно и очень скоро испортился бы так же, как и тот, который он заменил. При неудаче же, как это всегда было у нас, все насилия революционные, от Пугачева до 1-го марта, только усиливали тот порядок вещей, против которого они боролись, переводя в лагерь консерваторов и ретроградов все огромное количество нерешительных, стоявших посредине и не принадлежавших ни к тому, ни к другому лагерю людей. И потому думаю, что, руководствуясь и опытом и рассуждением, смело можно сказать, что средство это, кроме того, что безнравственно,— неразумно и недействительно.

Ещё менее действительно и разумно, по моему мнению, второе средство. Оно недействительно и неразумно, потому что правительство, имея в своих руках всю власть (войско, адми-

нистрацию, церковь, школы, полицию) и составляя само те так называемые законы, на почве которых либералы хотят бороться

с ним, — правительство, зная очень хорошо, что именно ему опасно, никогда не допустит людей, подчиняющихся ему и действующих под его руководством, делать какие бы то ни было дела, подрывающие его власть. Так, например, хоть бы в данном случае, правительство, как у нас (да и везде), держащееся на невежестве народа, никогда не позволит истинно просвещать его. Оно разрешает всякого рода мнимопросветительные учреждения, контролируемые им, — школы, гимназии, университеты, академии, всякого рода комитеты и съезды и подцензурные издания до тех пор, пока эти учреждения и издания служат его целям, то есть одурачивают народ, или, по крайней мере, не мешают одурению его; но при всякой попытке этих учреждений или изданий пошатнуть то, на чем зиждется власть правительства, то есть невежество народа, правительство преспокойно, не отдавая никому отчета, почему оно поступает так, а не иначе, произносит своё «veto», преобразовывает, закрывает заведения или учреждения и запрещает издания. И потому, как это ясно и по рассуждению и по опыту, такое мнимое, постепенное завоевание прав есть самообман, очень выгодный правительству и поэтому даже поощряемый им.

Но мало того, что эта деятельность неразумна и недействительна, она и вредна. Вредна этого рода деятельность, во-первых, потому, что просвещённые, добрые и честные люди, вступая в ряды правительства, придают ему нравственный авторитет, который оно не имело бы без них. Если бы всё правительство состояло бы из одних только тех грубых насильников, корыстолюбцев и льстецов, которые составляют его ядро, оно не могло бы держаться. Только участие в делах правительства просвещённых и честных людей дает правительству тот нравственный престиж, который оно имеет. В этом — один вред деятельности либералов, участвующих или входящих в сделки с правительством. Во-вторых, вредна такая деятельность потому, что для возможности ее проявления эти самые просвещённые, честные люди, допуская компромиссы, приучаются понемногу к мысли о том, что для доброй цели можно немножко отступать от правды в словах и делах. Можно, например, не признавая существующую религию, исполнять ее

обряды, можно присягать, можно подавать ложные, противные челове-

ческому достоинству адресы, если это нужно для успеха дела, можно поступать в военную службу, можно участвовать в земстве, не имеющем никаких прав, можно служить учителем профессором, преподавая не то, что считаешь нужным, а то, что предписано правительством, даже — земским начальником, подчиняясь противным совести требованиям и распоряжениям правительства, можно издавать газеты и журналы, умалчивая о том, что нужно сказать, и печатая то, что велено. Делая же эти компромиссы, пределов которых никак нельзя предвидеть, просвещенные и честные люди, которые одни могли бы составлять какую-нибудь преграду правительству в его посягательстве на свободу людей, незаметно отступая все дальше и дальше от требований своей совести, не успеют оглянуться, как уже попадают в положение полной зависимости от правительства: получают от него жалованье, награды и, продолжая воображать, что они проводят либеральные идеи, становятся покорными слугами и поддерживателями того самого строя, против которого они выступили.

Правда, есть ещё и лучшие, искренние люди этого лагеря, которые не поддаются на заманивания правительства и остаются свободными от подкупа, жалованья и положения. Эти люди, большей частью, запутавшись в тех сетях, которыми их опутывает правительство, бьются в этих сетях, как вы теперь с своими комитетами, топчась на одном месте, или, раздражившись, переходят в лагерь революционеров, или стреляются, или спиваются, или, отчаявшись, бросают всё и, что чаще всего, удаляются в литературу, где, подчиняясь требованиям цензуры, высказывают только то, что позволено, и, этим самым умолчанием о самом важном внося самые превратные и желательные для правительства мысли в публику, продолжают воображать, что они своим писанием, дающим им средства к существованию, служат обществу.

Так что и рассуждение и опыт показывают мне, что оба средства борьбы против правительства, употреблявшиеся до сих пор и теперь употребляемые, не только не действительны, но оба содействуют усилению власти и произвола правительства.

Что же делать? Очевидно, не то, что в продолжение семидесяти лет оказалось бесплодным и только достигало обратных результатов. Что же делать? А то самое, что делают те, благодаря деятельности которых совершалось всё то движение вперёд к добру

132

и к свету, которое совершилось и совершается с тех пор, как стоит мир. Вот это-то и надо делать. Что же это такое?

А простое, спокойное, правдивое исполнение того, что считаешь хорошим и должным, совершенно независимо от правительства, от того, что это нравится или не нравится ему. Или другими словами: отстаивание своих прав, не как члена комитета грамотности, или гласного, или землевладельца, или купца, или даже члена парламента, а отстаивание своих прав разумного и свободного человека, и отстаивание их не так, как отстаиваются права земств и комитетов, с уступками и компромиссами, а без всяких уступок и компромиссов, как и не может иначе отстаиваться нравственное и человеческое достоинство.

Для того чтобы успешно защищать крепость, нужно сжечь все дома предместья и оставить только то, что твёрдо и что мы ни за что не намерены сдать. Точно так же и здесь: надо сначала уступить всё то, что мы можем сдать, и оставить только то, что не сдаётся. Только тогда, утвердившись на этом несдаваемом, мы можем завоевать и всё то, что нам нужно. Правда, права члена парламента, или хоть земства, или комитета,— больше, чем права простого человека, и, пользуясь этими правами, кажется, что можно сделать очень многое; но горе в том, что для приобретения прав земства, парламента, комитета, надо отказаться от части своих прав, как человека. А отказавшись хотя от части прав, как человека, нет уже никакой точки опоры

и нельзя ни завоевать, ни удержать никакого настоящего права. Для того чтобы вытаскивать других из тины, надо самому стоять на твёрдом, а если для удобства вытаскивания самому сойти в тину, то и других не вытащишь, и сам завязнешь. Очень может быть хорошо и полезно провести в парламенте восьмичасовой день, или в комитете либеральную программу школьных библиотек; но если для этого нужно члену парламента публично, поднимая руку, лгать, произнося присягу, лгать, выражая словами уважение тому, чего он не уважает; или, для нас, для проведения самых либеральных программ, служить молебны, присягать, надевать мундиры, писать лживые и льстивые бумаги и говорить такие же речи и т.п., то, делая все эти вещи, мы теряем, отказываясь от своего человеческого достоинства, гораздо больше, чем выигрываем, и, стремясь к достижению одной определенной цели (большей частью цель эта и не достигается), лишаем себя возможности достигнуть других, самых

важных целей. Ведь сдерживать правительство и противодействовать ему могут только люди, в которых есть нечто, чего они ни за что, ни при каких условиях не уступят. Для того чтобы иметь силу противодействовать, надо иметь точку опоры. И правительство очень хорошо знает это и заботится, главное, о том, чтобы вытравить из людей то, что не уступает,— человеческое достоинство. Когда же оно вытравлено из них, правительство спокойно делает то, что ему нужно, зная, что оно не встретит уже настоящего противодействия. Человек, который согласился публично присягать, произнося недостойные и лживые слова присяги, или покорно в мундире дожидаться несколько часов приёма министра, или записавшись в охрану на коронации, или для приличия исполнивши обряд говения и т.п., уже не страшен правительству.

Александр II говорил, что либералы не страшны ему, потому что он знает, что всех их можно купить не деньгами, так почестями.

Ведь люди, участвующие в правительстве или работающие под его руководством, делая вид, что они борются, могут обманывать себя и своих единомышленников; но те, кто с ними борются, несомненно знают по противодействию, которое они оказывают, что они не тянут, а делают только вид. И это знает наше правительство по отношению либералов и постоянно делает испытания, насколько действительно есть настоящее противодействие, и, удостоверившись в достаточном для своих целей отсутствии его, делает свои дела с полной уверенностью, что с этими людьми все можно.

Правительство Александра III знало это очень хорошо и, зная это, спокойно уничтожило все то, чем так гордились либералы, воображая себе, что они все это сделали: изменило, ограничило суд присяжных; уничтожило мировой суд; уничтожило университетские права; изменило всю систему преподавания в гимназиях; возобновило кадетские корпуса; даже казенную продажу вина; установило земских начальников; узаконило розги; уничтожило почти земство; дало бесконтрольную власть губернаторам; поощряло экзекуции; усилило административные ссылки и заключения в тюрьмах и казни политических; ввело новые гонения за веру; довело одурение народа дикими суевериями православия до последней степени; узаконило убийство на дуэлях; установило беззаконие в виде охраны

с смертной казнью, как нормальный порядок вещей; и в проведении всех этих мер не встречало никакого противодействия, кроме протеста одной почтенной женщины, смело высказавшей правительству то, что она считала правдой. Либералы же говорили потихоньку между собою, что им всё это не нравится, но продолжали участвовать и в судах, и в земствах, и в университетах, и на службе, и в печати. В печати они намекали на то, на что позволено было намекать, молчали о том, о чём было велено молчать; но печатали всё то, что велено было печатать. Так что всякий читатель, получая либеральную газету и журнал, не будучи посвящён в то, что говорилось

потихоньку в редакциях, читал изложение без комментариев и осуждений самых жестоких и неразумных мер, подобострастные и льстивые адреса, обращенные к виновникам этих мер, и часто даже восхваления их. Так вся печальная деятельность правительства Александра III, разрушившая все то доброе, что стало входить в жизнь при Александре II, и пытавшаяся вернуть Россию к варварству времен начала нынешнего столетия, — вся эта постыдная деятельность виселиц, розг, гонений, одурения народа, — сделалась предметом безумного, печатавшегося во всех либеральных газетах и журналах восхваления Александра III и возведения его в великого человека, в образцы человеческого достоинства. То же продолжается и при новом царствовании. Вступившего на место прежнего царя молодого человека, не имеющего никакого понятия о жизни, уверили те люди, которые стоят у власти и которым это выгодно, что для управления ста миллионами надо делать то самое, что делал его отец, то есть надо ни у кого не спрашивать, что нужно делать, а делать только то, что взбредет в голову или что посоветует первый из приближенных льстецов. И, вообразив себе, что неограниченное самодержавие есть священное начало жизни русского народа, молодой человек этот начинает свое царствование тем, что вместо того, чтобы просить представителей русского народа помочь ему советами в управлении, в котором он, воспитанный в гвардейских полках, ничего не понимает и не может понимать, он дерзко, неприлично кричит на явившихся к нему с поздравлениями представителей русского народа, называя робко выраженное некоторыми из них желание доводить до сведения власти о своих нуждах «бессмысленными мечтаниями». И что же? Русское общество возмутилось, просвещён-

ные и честные люди — либералы — высказали своё негодование и отвращение, по крайней мере, воздержались от восхваления такого правительства и от участия в нём и поощрения его? Нисколько. С этого времени начинается особенно напряжённое

взапуски восхваление и отца, и подражающего ему сына, и не слышится ни одного протестующего голоса, и залы Зимнего дворца заваливаются подлыми, льстивыми адресами и подносимыми иконами. Устраивается ужасающая по своей нелепости, безумной трате денег, коронация; происходят от презрения к народу и наглости властителей страшные бедствия гибели тысяч людей, на которые устроители её смотрят как на маленькое омрачение торжеств, которые не должны от этого прерываться; устраивается никому, кроме тех, кто устроили её, не нужная выставка, на которую тратятся миллионы; с неслыханной прежде наглостью выдумываются в канцелярии синода новые, самые глупые средства одурения народа,— мощи человека, про которого никто ничего никогда не знал; усиливаются строгости цензуры, продолжается положение охраны, то есть узаконенное беззаконие, и положение становится всё хуже и хуже.

А я думаю, что всего этого не было бы, если бы те просвещённые и честные люди, которые теперь заняты либеральной деятельностью на почве законности в земствах, комитетах, подцензурной литературе и т. п., направляли бы свою энергию не на то, чтобы в формах, учреждённых самим правительством, как-нибудь обмануть его и заставить действовать себе на вред и гибель *,

---

* Иногда мне просто смешно подумать, как могут люди заниматься таким очевидно невозможным делом, точно как думать, что можно отрезать у животного ногу так, чтобы оно не заметило. [*Сноска Толстого.*]

а только на то, чтобы, ни в коем случае не участвуя в правительстве и ни в каких делах, связанных с ним, отстаивать свои личные права человека. «Вам угодно учредить, вместо мировых судей, земских начальников с розгами, — это ваше дело; но мы не пойдём ни судиться к вашим земским начальникам, ни сами не будем поступать в эту должность; вам угодно сделать суд присяжных одною формальностью,— это ваше дело, но мы не пойдём в судьи, ни в адвокаты, ни в присяжные; вам угодно под видом охраны установить

бесправие, — это ваше дело, но мы не будем участвовать в ней и будем прямо

называть охрану беззаконием и смертные казни без суда — убийством; вам угодно устроить классические гимназии с военными упражнениями и законом Божиим или кадетские корпуса, — ваше дело, но мы не будем в них учителями, не будем посылать в них наших детей, а будем воспитывать их так, как считаем хорошим; вам угодно свести на нет земство, — мы не будем участвовать в нём; вы запрещаете печатать то, что вам не нравится, — вы можете ловить, сжигать, наказывать типографчиков, но говорить и писать вы не можете нам помешать, и мы будем делать это; вы велите присягать на верность царю, — мы не будем делать этого, потому что это глупость, ложь и подлость; вы велите служить в военной службе, — мы не будем делать этого, потому что считаем массовое убийство таким же противным совести поступком, как и убийство одиночное, а, главное, обещание убивать, кого прикажет начальник, — самым подлым поступком, который может сделать человек; вы исповедуете религию, отставшую на тысячу лет от века, с Иверской [5], мощами и коронациями, — это ваше дело, но идолопоклонство и изуверство мы не только не признаём религиею, но называем изуверством и идолопоклонством и стараемся избавиться от него людей».

И что может правительство против такой деятельности? Можно сослать, посадить в тюрьму человека за то, что он готовит бомбу или даже печатает прокламацию к рабочим, и можно передать комитет грамотности из одного министерства в другое или закрыть парламент; но что может сделать правительство с человеком, который не хочет публично лгать, поднимая руку, или не хочет детей отдавать в заведение, которое он считает дурным, или не хочет учиться убивать людей, или не хочет участвовать в идолопоклонстве, или не хочет участвовать в коронациях, встречах и адресах, или говорит и пишет то, что думает и чувствует? Преследуя

человека, правительство делает из такого человека возбуждающего общее сочувствие мученика и подрывает те основы, на которых оно само держится, так как, поступая так, оно вместе того, чтобы охранять человеческие права людей, само нарушает их.

И стоит только всем тем просвещённым и честным людям, силы которых гибнут теперь во вред себе и делу на революционной, социалистической и либеральной деятельности, начать поступать так, и тотчас же составилось бы ядро честных, про-

свещённых и независимых людей и к ядру этому примкнула бы вся, всегда колеблющаяся масса средних людей и явилась бы та единственная сила, которая покоряет правительства, — общественное мнение, требующее свободы слова, свободы совести, справедливости и человечности. А как скоро составилось бы такое общественное мнение, так не только нельзя бы было закрывать комитет грамотности, но сами собой уничтожились бы все те бесчеловечные учреждения охраны, тайной полиции, цензуры, Шлиссельбурга, синода, с которыми борются теперь революционеры и либералы.

Так что для борьбы с правительством пробованы были два средства, — оба неудачные, и остаётся теперь испытать третье, которое еще не пробовано и которое, по моему мнению, не может не быть успешно. Средство это, коротко выраженное, состоит в том, чтобы всем просвещённым и честным людям стараться быть как можно лучше, и даже лучше не во всех отношениях, а только в одном, именно соблюсти одну из своих элементарных добродетелей — быть честным, не лгать, а поступать и говорить так, чтобы мотивы, по которым поступаешь, были понятны любящему тебя твоему семилетнему сыну; поступать так, чтобы сын этот не сказал: «А зачем же ты, папаша, говорил тогда то, а теперь делаешь или говоришь совсем другое?» Средство это кажется очень слабым, а между

тем я убеждён, что только одно это средство двигало человечество с тех пор, как оно существует *.

---

* Только потому, что были такие люди — прямые, правдивые, мужественные и не уступавшие никому в деле своего человеческого достоинства, и совершились все те благие перевороты, которыми теперь пользуются люди — от уничтожения пытки, рабства до свободы слова и совести. И это не может быть иначе, потому что то, что требуется совестью, высшим предчувствием доступной человеку истины, — есть всегда и во всех отношениях самая плодотворная и самая нужная в данную минуту для человечества деятельность. Только человек, живущий сообразно своей совести, может иметь влияние на людей, и только деятельность, сообразная с совестью, может быть полезна.

Но я должен оговориться: то, что для достижения тех целей, к которым стремятся и революционеры и либералы, самое действительное средство есть деятельность, сообразная с своей совестью, — не значит то, что для достижения этих целей можно начать жить сообразно с своей совестью. Нарочно начать жить сообразно с своей совестью для достижения каких-либо внешних целей — нельзя.

Жить сообразно с своей совестью можно только вследствие твёрдых и ясных религиозных убеждений. Когда же есть твёрдые и ясные

138

религиозные убеждения, то благие последствия от них во внешней жизни придут неизбежно. А потому сущность того, что я хотел сказать вам, состоит в том, что невыгодно хорошим, искренним людям тратить силы ума и души на достижение мелких, практических целей, как разные борьбы народности, партий, либеральных вымогательств, когда не установлено ясное и твёрдое религиозное мировоззрение, т. е. сознание смысла своей жизни и своего назначения. Я думаю, что все силы души и разума хороших людей, желающих служить людям, должны быть направлены на это.

А когда это будет, то будет и всё остальное. *[Сноска Толстого.]*

Убеждён же я в этом потому, что то, что требуется совестью — высшим предчувствием доступной человеку истины, — есть всегда и во всех отношениях самая нужная и самая плодотворная деятельность. Только человек, живущий сообразно

своей совести, может иметь благое влияние на людей. Деятельность же, сообразная с совестью лучших людей общества, есть всегда та самая деятельность, которая требуется для блага человечества в данное время.

Простите, что так много написал вам, может быть, совершенно ненужного вам; но мне давно хотелось высказаться по этому вопросу. Я начал даже большую статью об этом, но едва ли успею до смерти кончить, и потому хотелось бы хоть кое-как высказаться. Простите, если в чём ошибся.

Дружески жму вам руку.

Лев Толстой.

*****

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1] *Виктор Владимирович Девель* (1856—1899), бывший секретарь Петербургского комитета грамотности.

Николай Александрович Рубакин (1862—1946), писатель, библиограф, секретарь Петербургского комитета грамотности, автор ряда работ по вопросам народного образования, в том числе широко распространённого библиографического справочника «Среди книг» (2-е изд. в трёх томах 1911—1915).

Комитеты грамотности — общественные учреждения, образованные одно в 1845 г. при Московском обществе сельского хозяйства, другое в 1861 г. в Петербурге при Вольно-Экономическом обществе. Комитеты ставили своей целью разработкой теоретических вопросов и непосредственной практической деятельностью по изданию дешёвых книг для народа и устройству народных библиотек содействовать начальному народному образованию. В конце 1895 г., по требованию министра внутренних дел И. Н. Дурново, комитеты были закрыты, а в 1896 г. преобразованы в особые общества грамотности с официальной консервативной программой.

[2] *Иван Давыдович Делянов* (1818—1897), в 1882—1897 гг. министр народного просвещения, отличавшийся заметной консервативностью; поддерживал в гимназиях систему классического образования, ограничил приём в среднеучебные заведения детей трудящихся; издал новый «университетский устав 1884 г.».

заменивший самоуправление университетов (по уставу 1865 г.) системой бюрократической регламентации академической жизни

[3] *Иван Николаевич Дурновó* (1830—1903), с 1889 по 1895 г. министр внутренних дел, а затем председатель Комитета министров, инициатор положения о земских начальниках (1889), по которому всё крестьянское население России было отдано под административно-судебную опеку местного дворянства, и ряда других малопопулярных охранительных постановлений.

[4] Намёк на обстоятельства встречи земских либеральных деятелей с Николаем II в 1894 г., описанные Л. Н. Толстым в статье «Бессмысленные мечтания».

[5] В Иверской часовне у Воскресенских ворот в Москве находилась икона, считавшаяся «чудотворной».